

ПРОЛОГ

СОВЕТ В СОЗАКЕ

В девятьсот девяносто шестом году истории¹, в год мыши, сразу после наурыза², с приходом весеннего тепла, по срочному вызову повелителя восточного крыла Кипчакской степи хана Тауеккела все знатные люди, имеющие власть над казахами под войлочным туырлыком³, собрались на совет в городе Созаке у северных отрогов Каратау. Совету предстояло стать самым большим сбором не только с тех пор, как Тауеккел, поднятый на белой кошме, взял правление родным народом в свои руки — а было это еще не так и давно, — но даже и с тех пор, как погиб, предательски убитый, воинственный, всю жизнь не выпускавший из рук сабли, прославившийся победоносными походами хан Хак-Назар.

На совет прибыла вся ведущая свою родословную от дома хана Орыса⁴, правящая на землях, простирающихся с востока на запад — от Балхаша до Эмбы, с юга на север — от берегов Сырдарьи до низовьев Ишима, белокостная знать: султаны — чингизиды, правители улусов⁵ или отдельных родов, и огланы — чингизиды, не имеющие власти, большей частью военачальники, частью просто батыры. Среди них

¹ 996 год по мусульманскому летоисчислению соответствует 1588 году по европейскому календарю.

² Наурыз — мусульманский новогодний праздник, совпадающий с днем весеннего равноденствия (22 марта), считается первым днем нового года и весны.

³ Туырлык — кошма, служащая для покрытия основания казахской юрты; «казахи под войлочным туырлыком» — казахские роды и племена, жившие в указанную пору на восточных пространствах Кипчакской степи.

⁴ Орыс (Урус-хан), умер во 2-й половине 70-х гг. XIV в., — хан Синей Орды, являвшейся восточной частью Золотой Орды.

⁵ Улус — политическое объединение нескольких родов или племен.

были и те, кто еще буквально вчера, после смерти Хак-Назара, сеял в народе смуту, рвался сделаться ханом всех казахов, на худой конец — полновластным, независимым правителем своего улуса. Много было среди них и старых, закаленных в крови боевых сражений рубак, познавших и торжество побед, и горечь поражений, более склонных по своей натуре к ратным подвигам, чем к власти, всегда подчиняющихся воле стоящих над ними и вместе с тем не терпящих ни малейшего унижения, ни перед кем не склоняющих головы. Больше всего, однако, было гордой молодежи, недавно лишь севшей на боевого коня, еще не вступавшей в схватки с врагом, разве что принявшей участие в военных играх, страстно мечтающей о возврате былых времен с их богатырскими подвигами и надеющейся осуществить свои мечты под предводительством Тауеккела, который старше всего на какой-нибудь мушел, а то и полмушела⁶, но который, благодаря своей мужественности и твердости, сумел одолеть давних кровных врагов и привязал наконец коней разбредшегося в междоусобной грызне народа к одной коновязи.

По традиции отцов на совет вместе с потомками Чингисхана прибыли также старейшины родов — аксакалы, которым народ их рода вверил свой голос, прибыли начальники туменов и тысяч⁷, а кроме того, и особо отличившиеся в ратных делах бахадур⁸. Среди последних немало было таких, которые буквально вчера вышли из сечи, рубились, защищая свой народ, с ойратами и жагатами⁹, с ногайцами и бухарцами. Число «чернокостных» оказалось вдвое больше, чем «белокостных». Ясно было, если возникнет какой-нибудь спор, вспыхнет ссора, все они примут сторону Тауеккела, который крепко взял под уздцы белокостных, а чернокостным, наоборот, отпустил поводья, дав им больше прав, и тем за

⁶ Мушел — 12 лет; полмушела — соответственно 6 лет.

⁷ Тумен, тысяча — боевые единицы войска; в тумене — десять тысяч воинов.

⁸ Бахадур — герой.

⁹ Ойраты — западномонгольские кочевые племена; жагаты (жагат-могулы) — казахское название объединения тюркских племен, образовавших в Семиречье и Восточном Туркестане во время распада Золотой Орды феодальное ханство Могулистан.

самое кратчайшее время покончил с междоусобицей, а значит, собирается обратить всю собранную в единый кулак военную мощь народа против внешнего, более счастливого пока в своей военной судьбе врага.

Обычно в известии о созыве совета сообщалась и причина его созыва. Поэтому каждый приезжал на него готовый биться за свое мнение. Если ход обсуждения бывал кому-то не по душе, возникал жаркий спор, дело доходило до угроз. А иной сорвиголова выхватывал и саблю из ножен. Но нынче о причине совета ничего не сообщалось. Однако султаны на всякий случай приняли меры предосторожности. Не из воинственности, а ради собственной безопасности, ради того, наконец, чтобы продемонстрировать свою силу, весомость своего слова, одни, более могущественные, привели с собой по тысяче-полторы воинов, другие, не столь могущественные, по три-четыре сотни. Ханские гонцы встречали их на расстоянии целого дня пути от Созака. Просили вернуть вооруженные отряды назад, оставить при себе всего пятьдесят человек. Тем, кто поднял крик, пытался сопротивляться, властно приказали. Нашлись и такие, что, не желая подчиниться, хотели повернуть коней назад. Но для них у ханских гонцов был заготовлен отдельный приказ: «Пусть тогда прощаются с жизнью и укажут место, где встретимся для смертельной битвы!» Пришлось подчиниться.

Однако самое большое унижение ждало у высоких ворот Созака. Даже эти небольшие отряды нукеров¹⁰ пришлось оставить за городом, да не подле окруженных широким и глубоким рвом крепостных стен, кое-где начавших рушиться и растрескиваться, некоторые башни тоже полуобвалились, и сейчас их восстанавливали, а поодаль, на вытопанной, выбитой конскими копытами равнине, местами весело зазеленевшей, а местами еще в плешинах нестаявшего снега.

В городе же находилась тысяча воинов — из того верного хану, прославленного войска, что было с ним в самые его трудные дни, которое наголову разбило бухарца Бабу-султана и заставило дрожать за свою жизнь многих других султанов,

¹⁰ Нукер — воин из отряда личной охраны султана или хана.

которое, наконец, и помогло Тауеккелу занять его нынешнее высокое положение.

Кереи и найманы с парой косичек на висках, алшыны и кипчаки с тремя косичками, жалаиры и дулаты с косичкой на макушке, канглы и конраты с бритыми наголо черепами — немало гордых и дерзких сорвиголов разных племен и родов, но все, однако, казахи, единые по языку и праотцам, почти не отличающиеся друг от друга ни нравами, ни одеждой, чувствовали себя попавшими в западню волками. Теперь они не могли надеяться ни на оставленных своих нукеров, ни на былую славу своих предков, ни на родственные чувства, что так сильны у казахов и способны сдержать кровопролитие даже из-за ханского трона, единственная их надежда теперь была — на освященный веками обычай, охраняющий гостя, на то, что гости они — специально приглашенные, что хозяин дома (не просто хозяин, а глава всего народа к тому же) не перешагнет через традиции отцов, не обидит своих гостей. И все же на душе у всех было тревожно. Многие были в гнев.

Султаны, спешившись у подготовленных для них белоснежных, богато украшенных юрт, стоявших по всему городу между краснокирпичными, украшенными затейливым орнаментом прекрасными домами и приземистыми плоскокрышными домами из сырцового кирпича, едва утолив с дороги жажду несколькими чашками густого кумыса от неожеребившихся кобылиц, тут же отправились приветствовать хана — а во время приветствия выразить свою обиду за оказанный прием, — но вернулись из Кок-Сарая — Голубого дворца хана, — принятые лишь начальником охраны Исмаил-батыром.

В ответ на слова обиды за доставленные им унижения Исмаил-батыр, снесший с плеч, несмотря на свою недолгую, едва подходящую к тридцати годам жизнь, немало безрассудных, горячих голов, сбивший спесь со многих высокородных гордецов и оттого прозванный и в своем ближайшем кругу, и по-за ним «Черной саблей хана»¹¹, произнес с холодностью: «Мой досточтимый хан простужен и лежит в постели.

¹¹ «Черная сабля», «черный кинжал» — преданный своему властелину и при этом удачливый воин.

А столько войска, сколько вы привели с собой, в городе не поместится». Тех, кто был понастойчивее, он тоже осадил довольно быстро: «Если твои намерения по отношению к высокочтимому хану чисты, зачем тебе войско? Если мой повелитель пожелает вогнать в землю какого-нибудь лицемера, что связался с шайтаном и замыслил дурное, да разве его пятьдесят нукеров смогут что-то сделать против наших тысяч?! В старину говорили: где два бия¹², там четыре раздора. Хана Тауеккела оделил счастьем и вознес выше всех смертных всевышний. Так и вручите свою судьбу аллаху и надейтесь на его милость. Зачем затевать спор...»

И действительно, в день открытия совета ни споров, ни ссор не возникло. Да и не должно было возникнуть — после такой-то подготовки.

То ли и вправду только-только поднялся после болезни, то ли это от душевного волнения перед большим делом, лицо Тауеккела, обычно ровного пшеничного цвета, было бледным и осунувшимся. Густые, чуть выгнутые брови сдвинуты к переносице, крылья красивого, тонкого, будто точеного носа напряжены и трепещут, и начал говорить — каждое слово давалось с трудом. Но мало-помалу голос его начал твердеть. И вот наконец устремивший взгляд куда-то поверх голов всех сидящих перед ним, хан словно бы обрел свой настоящий голос — приятного тембра, несильный, но с какою-то непреклонной, подчиняющей себе волей, звучащей в нем.

Прежде всего хан попросил прощения, что не сумел встретить уважаемых людей, как то подобало, не выехал им навстречу за город, что не поприветствовал хотя бы аксакалов, посетив их в отведенных им юртах. Затем хан выразил сожаление, что вынужден проводить нынешний совет, созванный раньше обычного, не в раздольной степи, на высоком холме, а в тесноте каменного дворца. Назвал имена нескольких старших и младших султанов, военачальников, старейшин, выказав тем свое особое благорасположение к ним, и перешел наконец к делу.

Речь сначала зашла о летних пастбищах и зимних стойбищах. Изменить что-либо в сложившемся за последние

¹² Бий — старейшина рода, князь.

восемь лет положении раздела кочевий нет никакой возможности. Таковы обстоятельства. Земли уменьшились. Исконные, доставшиеся от отцов земли урезаны врагами со всех четырех сторон...

Настал черед сказать свое слово приехавшим на совет.

— Так давайте вытесним из Жетысу¹³ жагат-могулов! — сказали одни.

— Прогоним с Чингизских гор и озера Нор-зайсан калмыков! — сказали другие.

— Заставим ногайцев убраться за Жаик¹⁴, — сказали третьи.

— Очистим долину Сырдарьи! — сказали четвертые.

— Кровопролитные войны не нужны. Нужно шаг за шагом продвигаться в Сибирь, и она станет нашей! — так высказались пятые.

Но в одном были единодушны все:

— Что ни решишь, куда ни пойдешь в поход, туда пойдём и мы, веди!

— Нет! — сказал Тауеккел. — Нет! Словами дел не решают. Беспреданно скрещивать сабли, вонзая пики друг в друга — из этого тоже не выходит ничего путного. Чтобы задуманное благородное дело увенчалось успехом, чтобы казахи, объединив под своим багрово-красным знаменем со златоузорной волчьей головой все исконные отцовские земли, вновь сплотились в единую могучую орду...

«Что нужно сделать?!» — будто повис в воздухе непронесенный вопрос.

— Хану — полная власть, всем остальным — благостная сплоченность под нею.

Одни, помрачнев, потупились, другие, нахмурясь, глядели прямо на Тауеккела, однако открытого протеста никто ему не выразил. Наоборот, многие, придя в возбуждение, громкогласно поддерживали хана — выказали свою готовность на все. Пока совет шел за ним. Да ведь хан и ходил пока все вокруг да около, о главном не заговаривал. И дальше его речь была такой же. Он напомнил всем известные — и белокостным

¹³ Жетысу — Семиречье, юго-восточная часть Казахстана.

¹⁴ Жаик — казахское название р. Урал.

султанам, и чернокостным бекам — моменты казахской истории, равно больные и для старых, и для молодых.

— Чтимые нами берега Сырдарьи были землями наших отцов. Эти земли мы утратили в пору междоусобных смут и резни. Со времен хана Касыма¹⁵ сражаемся мы с Бухарой за эти земли. То вернем их себе, то отдадим. Но вот наконец стали на них твердо и крепко. И что же? Сто наших побед как языком слизнуло одно-единственное поражение, подвиг тысяч батыров свела на нет смерть всего лишь одного хана, Хак-Назара. За какой-то один день мы лишились тридцати городов — стоящих на караванных путях, с шумными изобильными базарами, ласкающими глаз своим великолепием и богатством. Сегодняшний совет нам бы проводить не на севере Каратау, а на юге, не в Созаке с его обваливающимися стенами, с осыпающимся рвом, а в величественном Сыгнаке, в лучезарном Туркестане, в грозном Сауране¹⁶. Но ринуться в бой легко. Сможешь ли победить? Подумайте над этим, — так он сказал.

— И Жетысу — тоже наши исконные земли. Но со времен хана Азь-Жанибека¹⁷ мы бьемся за них с жагат-могулами. Сначала счастье было на нашей стороне. Резали их как овец. Потом счастье отвернулось от нас. Или вы забыли тот страшный бой, в котором сложили головы потомки пяти сыновей хана Адика — двадцать четыре султана, тридцать тысяч аламанов¹⁸ не встали с земли?! Или вы забыли о той кровопролитной войне, на которой пали тридцать семь султанов во главе с Тогымханом и нашим дядей султаном Башибеком, пятьдесят тысяч аламанов погибло — каждый стоивший десяти?! За двадцать лет оправился от поражения, через сорок вновь собрал грозное войско, вновь огнем полыхнула в груди тлевшая все эти годы жажда отмщения, — но погибшие, они воскресли? Утраченное в войне добро вернул с избытком, — но исцелились ли раны? Что ж, отправимся

¹⁵ Касым — хан Казахской Орды (умер в 1518 г.).

¹⁶ Сыгнак, Сауран — города на среднем течении Сырдарьи, ныне разрушенные.

¹⁷ Азь-Жанибек (Джанибек) — один из основателей Казахского ханства, выделившегося из Золотой Орды в 1456 г.

¹⁸ Аламан — воин.

в поход. Может, и победим. Но разве сможем уничтожить всех до единого? И разве через сорок лет не оправятся они? Разве потомки поверженного тобой сегодня врага не вынут завтра против тебя саблю? Это ли победа, когда сын врага растет с жадной мести тебе? Нет, это не победа. Ищите иной, чем война, выход. Подумайте и найдите, — так он сказал.

— И берега Жаика были благодатной землей наших предков. Но когда наш народ распался на казахов и ногайцев, Жаик не достался нам. Пятьдесят лет мы враждовали с ногайцами из-за него, громили друг друга. Вернули себе. Вновь отдали. Сколько раз выходили в поход против них, столько раз возвращались. Перейдя Жаик, дошли даже до низовьев Волги. И что? В конце концов отступили, отдав земли, где стоят мавзолеи наших предков, без всякого даже боя. Почему? Если знаете, объясните. Объясните — и сделайте разумные выводы, — так он сказал.

— Что выйдет из того, что двинемся в поход против ойратов? Что выиграем, если всем народом перекочем на лишние былого мира земли Сибири? Давайте посоветуемся, — так он сказал.

И вот еще о чем сказал он:

— Все живое смертно. Если ваш хан погибнет завтра от угодившей в него стрелы, если закроет глаза от неожиданной приставшей болезни, кто возглавит народ? Буквально вчера, в тот же миг, когда хан Хак-Назар выбирал преемника, вы стали тянуть в сорок разных сторон, и чем в конце концов это кончилось?! Подумайте о том, чтобы та беда не разразилась над вашими головами вновь. Поразмышляйте. Не говорите себе, что тот-то достоин, потому что отец его — герой. Может быть, сам он малодушный трус. Не говорите себе, что тот-то еще молод годами. Может быть, он настоящий черный кинжал! По традиции отцов золотой ханский трон переходит от брата к брату, от старшего к младшему. Никто, однако, не может быть преемником только из-за того, что он мне родной брат или племянник, никто не может быть отвергнут из-за того, что не приходится мне очень уж близким родственником. Пожелайте в калгу — преемника одного из моих младших братьев — но чтобы он был настоящий батыр,